

18+

ЛУЧШИЕ ОРАТОРСКИЕ РЕЧИ

Книга 3

ДРЕВНИЙ РИМ

Великие судебные речи
обвинения и защиты

МЕЛКОВ АЛЕКСЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ

Алексей Мелков

**Лучшие ораторские
речи. Древний Рим**

«Издательские решения»

Мелков А. В.

Лучшие ораторские речи. Древний Рим / А. В. Мелков —
«Издательские решения»,

Книга посвящена великим судебным речам Древнего Рима и искусству убеждения Цицерона. На примере знаменитых процессов показаны стратегии обвинения и защиты, работа с доказательствами, свидетелями, предубеждением и эмоциями суда. Исторические события дополнены авторскими реконструкциями речей и практическим разбором римской судебной риторики.

Содержание

АННОТАЦИЯ	7
ОТ АВТОРА	8
СОДЕРЖАНИЕ	9
Часть I. Римская школа судебного убеждения	10
ЧАСТЬ I. РИМСКАЯ ШКОЛА СУДЕБНОГО УБЕЖДЕНИЯ	11
Глава I	11
Суд как пространство решения	11
2. Пять классических стадий риторики	11
5. Судебная речь как карта	12
6. Интеллектуальная честность как оружие	12
7. Три типа судебного сомнения	13
8. Практическое правило первой главы	13
Глава II	14
Пять оружий Цицерона	14
1. Рамка	14
2. Уступка	14
3. Контраст	14
4. Вопрос	15
5. Нравственный финал	15
Глава III	16
Цицерон против губернатора Сицилии	16
3. Репутация адвоката против фактов	17
Учебная защита против паттерна	17
6. Веррес уезжает	18
7. Практическая формула главы	18
Глава IV	19
Яд, завещание и подкупленный суд	19
1. Репутация не является доказательством	19
4. Капитал доверия	20
5. Перевернуть мотив	20
КОМУ ПРЕСТУПЛЕНИЕ БЫЛО НУЖНЕЕ?	20
6. Сассия и опасность альтернативного злодея	20
9. Запасная юридическая линия	21
10. Реконструкция финальной речи защиты	21
11. Практическая модель работы с предубеждением	22
Формула главы	22
Глава V	23
2. Катон как неудобный обвинитель	23
3. Юмор против чрезмерной серьезности	24
5. Юрист и солдат	24
6. Разделить неприятное и преступное	25
7. Политический контекст и Катилина	25
8. Реконструкция защитительной речи	25
9. Интеллектуальное айкидо	26
Формула главы	26
Глава VI	27

Конец ознакомительного фрагмента.

28

Лучшие ораторские речи. Древний Рим

Алексей Валерьевич Мелков

© Алексей Валерьевич Мелков, 2026

ISBN 978-5-0071-1862-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АННОТАЦИЯ

Судебная речь редко выигрывает дело сама по себе. Она выигрывает тогда, когда помогает суду увидеть структуру доказательств: что установлено, что лишь предполагается, где заканчивается факт и начинается вывод, какой вопрос действительно решает дело.

Эта книга — не сборник красивых цитат Цицерона и не учебник по античной филологии. Это практическая книга об адвокатском мышлении. На материале знаменитых процессов Древнего Рима разбираются работа с предубеждением, признание неудобного факта, конкуренция версий, *cui bono?*, анализ мотива и механизма, перекрестный допрос, самооборона по стадиям, пределы чрезвычайной власти, беспристрастность решающего лица и граница между судебной речью и политической инвективой. Практические главы переводят эти приемы на современный язык доказательств, не подменяя право психологическим воздействием.

Реконструированные речи обвинения и защиты в книге являются авторскими учебными моделями. Они не выдаются за дословно сохранившиеся выступления античных ораторов. Исторические факты отделены от риторической реконструкции.

Книга адресована адвокатам, юристам, преподавателям, студентам и всем, кто хочет понимать не только **что** говорить в суде, но и **почему** определенная последовательность аргументов убеждает.

ОТ АВТОРА

Адвокатская профессия меняется вместе с доказательствами. Когда-то спор шел вокруг свидетеля, восковой таблички и человеческой памяти. Сегодня в дело приходят биллинги, геолокация, банковские транзакции, видеозаписи, метаданные, цифровая экспертиза и огромные массивы переписки. Но внутри суда по-прежнему остается человек, которому предстоит решить: какая из версий событий лучше подтверждается фактами и где проходит граница между уверенностью и предположением.

Поэтому древняя риторика не устарела. Устарели отдельные институты, социальные нормы и допустимые способы нападения на процессуального противника. Но не устарели вопросы: кто получил выгоду? кто имел доступ? почему свидетель изменил показания? где недостающее звено? почему обвинение просит суд додумать то, чего нет в доказательствах? где момент, в котором законная оборона превратилась в месть? почему авторитет эксперта должен подтверждать качество исследования, а не заменять его?

Я сознательно не предлагаю читателю копировать Цицерона. Некоторые его приемы — прежде всего личная и сексуализированная дискредитация свидетелей, политическая инвектива, игра на сословных предрассудках — неприемлемы для современного правосудия. Нас интересует механизм: как оратор выделяет центральный вопрос, как меняет рамку, как признает очевидное, как располагает доказательства, как создает для суда понятный путь к решению.

В книге встречается терминология современной психологии убеждения, а также понятия, популярные в литературе об НЛП. Следует оговорить: нейролингвистическое программирование не обладает тем уровнем научной подтвержденности, который иногда ему приписывает популярная литература. Поэтому здесь не будет обещаний «управлять подсознанием судьи». Мы будем говорить о проверяемых вещах: внимании, когнитивных искажениях, эффекте первого впечатления, памяти, структуре нарратива, повторе, контрасте, якорных словах как риторических маркерах, переформулировании вопроса и ясности речи.

Главная идея книги проста: **убеждение не должно подменять доказательство. Оно должно делать доказательство понятным.**

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I. Римская школа судебного убеждения

- Глава I — Суд как пространство решения
- Глава II — Пять оружий Цицерона
- Глава III — Веррес: как превратить сотни эпизодов в одно доказательство
- Глава IV — Яд, завещание и подкупленный суд
- Глава V — Когда строгость закона встречается с жизнью
- Глава VI — Старое убийство и пределы чрезвычайной власти
- Глава VII — Женщина, золото и яд
- Глава VIII — Убийство на Аппиевой дороге
- Глава IX — Отец, сын и шесть миллионов сестерциев
- Глава X — Поэт, которому нужно доказать, что он — римлянин
- Глава XI — Вина по знакомству
- Глава XII — Буква, смысл и вооруженная толпа
- Глава XIII — Гражданство Бальба
- Глава XIV — Процесс Планция
- Глава XV — Лигарий: когда факт нельзя отрицать
- Глава XVI — Король перед собственным обвинителем и судьей
- Глава XVII — Филиппики: когда судебная риторика выходит из суда
- Часть II. Современная технология судебного убеждения
- Глава XVIII — Архитектура защиты
- Глава XIX — Суд присяжных: психология без магии
- Глава XX — Перекрестный допрос
- Глава XXI — НЛП, «якоря» и рефрейминг
- Глава XXII — Лаборатория великой речи
- Глава XXIII — Голос, пауза и визуальное доказательство
- Глава XXIV — Кодекс судебного убеждения
- Часть III. Мастерская большой судебной речи
- Глава XXV — Дело без очевидца
- Глава XXVI — Экономическое дело: договор или мошенничество
- Глава XXVII — Оправдание неприятного человека
- Глава XXVIII — Когда вина установлена

Заключение

Приложение I — Чек-лист подготовки к прениям

Приложение II — Двадцать вопросов к любому косвенному обвинению

Приложение III — Краткий словарь

Библиография и источники

Об авторе

ЧАСТЬ I. РИМСКАЯ ШКОЛА СУДЕБНОГО УБЕЖДЕНИЯ

Глава I

Суд как пространство решения

Чему современный адвокат может научиться у римской судебной речи

Римский суд не был современным российским, английским или американским судом. Не существовало сегодняшнего разделения процессуальных ролей, современных правил допустимости доказательств, профессиональной системы уголовного преследования в нашем смысле, а составы судов и порядок выступлений зависели от эпохи и категории дела. Поэтому опасно превращать античный процесс в декорацию для современных юридических понятий.

Но римский оратор работал с тем же базовым материалом, с которым работает адвокат сегодня: фактом, памятью, интересом свидетеля, репутацией, документом, мотивом, вероятностью, страхом и вниманием слушателя.

В этом смысле судебная риторика — не украшение права. Она является способом организовать сложность.

1. Суд не слышит дело так, как его знает адвокат

Адвокат живет внутри материалов месяцами. Он знает тома, листы, даты, фамилии, экспертизы. Суд получает ту же информацию последовательно и не всегда в том порядке, в котором она логически связана.

Отсюда первая профессиональная ошибка: считать, что если факт есть в деле, суд обязательно увидит его значение.

Нет.

Факт может утонуть.

Сильная речь выполняет три функции:

1. определяет центральный вопрос;
2. строит иерархию доказательств;
3. показывает связь между фактом и юридическим выводом.

Это и есть **dispositio** — расположение материала. Для Цицерона порядок был не менее важен, чем содержание.

2. Пять классических стадий риторики

Античная теория обычно различала несколько элементов работы оратора.

Inventio — нахождение аргументов. Что в деле действительно важно?

Dispositio — расположение. В каком порядке это услышит суд?

Elocutio — языковое выражение. Как сформулировать мысль ясно и точно?

Memoria — владение материалом. Не механическое заучивание, а способность удерживать архитектуру речи.

Actio — произнесение: голос, пауза, темп, жест, способность выдерживать давление аудитории.

Современная практика часто гипертрофирует *elocutio*. Адвокат старается написать «красивую речь» и слишком поздно замечает, что красивый текст не отвечает на главный вопрос дела.

Поэтому порядок работы должен быть обратным:

сначала доказательственная карта — потом стиль.

3. Центральный вопрос

Возьмем три условных дела.

Первое: обвинение в мошенничестве. В деле сто договоров и двести переводов. Центральный вопрос может оказаться не в том, были ли деньги получены, а **существовал ли первоначальный умысел не исполнять обязательство в момент их получения**.

Второе: убийство при конфликте. Все знают, кто нанес удар. Центральный вопрос — **существовала ли непосредственная опасность в момент применения силы**.

Третье: должностное преступление. Документ подписан подсудимым. Центральный вопрос — **доказывает ли подпись осведомленность о ложности содержащихся в документе сведений**.

Пока адвокат не нашел такую формулу, он еще не готов к прениям.

4. Разница между фактом и значением факта

Судебная борьба часто происходит не вокруг существования события, а вокруг его значения.

Факт: человек перевел деньги.

Обвинение: взятка.

Защита: возврат займа.

Факт: человек после конфликта уехал.

Обвинение: бегство.

Защита: ранее запланированная поездка.

Факт: подсудимый удалил переписку.

Обвинение: уничтожение доказательств.

Защита: автоматическое удаление или желание скрыть личный, но не преступный разговор.

Поэтому необходимо уметь отделять:

что произошло

от

что это означает.

5. Судебная речь как карта

Хорошая заключительная речь должна позволить суду после ее окончания воспроизвести позицию защиты в нескольких предложениях.

Если слушатель запомнил только эмоцию — речь недостаточно структурирована.

Если запомнил двадцать мелких противоречий, но не понял, почему они меняют правовой вывод, — речь недостаточно структурирована.

Идеальная проверка проста:

Если суд согласится со всеми моими тезисами, следует ли из них тот вывод, которого я прошу?

Если нет — часть тезисов не ведет к цели.

6. Интеллектуальная честность как оружие

Карикатурная версия обвинения удобна для выступающего и неубедительна для суда.

Если прокурор располагает сильным доказательством, адвокат должен назвать его сильным. После этого — показать предел его доказательственного значения.

Например:

«Самое серьезное доказательство обвинения — перевод 15 миллионов рублей на счет, связанный с моим доверителем. Мы не будем делать вид, будто этого перевода нет. Вопрос иной: доказывает ли он преступное назначение денег?»

Такой прием создает доверие, потому что защита не требует от суда отрицать реальность.

Цицерон использовал этот принцип неоднократно. Он мог признать наличие денег вокруг подозрительного процесса и спорить о том, **чья** это деньги. Мог признать факт смерти и спорить об оправданности применения силы. Мог признать присутствие Лигария в Африке и просить не о доказательстве отсутствующего факта, а о милосердии.

7. Три типа судебного сомнения

Полезно различать:

Сомнение в факте: произошло ли событие?

Сомнение в авторстве: совершил ли его именно подсудимый?

Сомнение в юридическом значении: даже если совершил — образует ли это вменяемый состав, форму вины, квалифицирующий признак?

Не смешивайте уровни. Иначе суд слышит десяток возражений и не понимает, какое из них является главным.

8. Практическое правило первой главы

Перед любой речью заполните одну страницу.

Главный вопрос дела:...

Бесспорные факты:...

Сильнейшее доказательство против нас:...

Его предел:...

Недостающее звено:...

Альтернативное объяснение:...

Правовой вывод:...

Если эта страница получилась ясной — у вас есть архитектура.

Если нет — не начинайте полировать стиль.

Глава II

Пять оружий Цицерона

Рамка, уступка, контраст, вопрос и нравственный финал

Цицерон не выигрывал процессы одной магической техникой. Его мастерство состояло в комбинировании нескольких способов убеждения. Для современного адвоката особенно полезны пять.

1. Рамка

Рамка отвечает на вопрос: **о чем на самом деле это дело?**

Обвинитель может сказать:

«Это дело о жадности директора».

Защита:

«Это дело о том, доказан ли первоначальный умысел при заключении хозяйственного договора».

Оба говорят о том же материале. Но рамка определяет, какие факты становятся центральными.

Рефрейминг — слово, часто используемое в популярной психологии, — не должен превращаться в хитрость по сокрытию фактов. Юридически допустимый рефрейминг — это **выбор более точного вопроса**, а не подмена реальности.

2. Уступка

Цицерон умеет отдавать противнику второстепенное, чтобы сохранить главное.

Слабый адвокат боится сказать «да».

Ему кажется, что если признать один факт, рухнет вся защита.

Но категорическое отрицание очевидного расходует доверие.

Профессиональная уступка выглядит так:

«Да, мой доверитель был на месте. Спор идет не о присутствии, а о том, что он сделал».

«Да, деньги получены. Спор идет об их правовой природе».

«Да, между людьми был конфликт. Это не доказывает авторства угрозы».

Уступка должна быть точной. Нельзя признавать больше, чем подтверждено и чем требуется стратегия защиты.

3. Контраст

Контраст превращает абстракцию в различие, которое можно увидеть.

возможность — доказанность;

мотив — действие;

репутация — событие;

подозрение — вина;

неприятное — преступное.

Сильный контраст повторяется на протяжении речи как смысловая ось.

4. Вопрос

Великий судебный вопрос не требует от суда поверить адвокату. Он требует от противоположной версии объяснить собственную слабость.

Кто передал деньги?

Откуда свидетель это знает?

Почему новость пришла этому человеку раньше официального сообщения?

Как предполагаемый заказчик связался с исполнителем?

Когда именно закончилась угроза?

Вопрос полезнее ярлыка.

Слово «фальсификация» громкое. Вопрос «кто создал документ и откуда в нем появились эти данные?» доказательственное.

5. Нравственный финал

В финале Цицерон часто перестает говорить только о подсудимом и обращается к идентичности судьбы.

Это не просьба о тщеславии.

Функция приема — вернуть решение к принципу:

«Вы можете не любить обвиняемого. Но суд отличается от толпы тем, что отвечает на вопрос о доказанности».

Современная защита должна делать это без высокопарности. Чем тяжелее дело, тем проще может быть финальная формула:

«Я не прошу вас верить мне. Я прошу проверить, каким доказательством заполнено каждое необходимое звено обвинения».

Учебная мини-речь

Представим дело о получении крупной суммы.

Уважаемый суд. Мы не спорим с банковской выпиской. Деньги поступили. Именно поэтому я не буду тратить ваше время на то, чего никто не оспаривает. Перед нами другой вопрос: что доказано о назначении этих денег в момент передачи? Обвинение предлагает вам перейти от факта перечисления к слову «взятка». Между ними должны находиться договоренность, предмет незаконного вознаграждения и связь с конкретным действием должностного лица. Где эти звенья? Свидетель говорит, что «все понимали». Закон требует большего, чем коллективное впечатление. Документ подтверждает сумму. Он не подтверждает умысел. Переписка подтверждает знакомство. Она не содержит просьбы о незаконном действии. Вы можете считать перевод подозрительным. Но подозрительность — начало проверки, а не конец судебного доказывания.

В этой короткой модели уже присутствуют рамка, уступка, контраст, вопрос и финальный критерий.

Глава III

Веррес: как превратить сотни эпизодов в одно доказательство

Цицерон против губернатора Сицилии

Рим, 70 год до н. э.

Дело Гая Верреса интересно для адвоката тем, что Цицерон выступал здесь не защитником, а обвинителем. Именно поэтому глава необходима: защитник должен понимать архитектуру сильного обвинения, иначе он будет опровергать отдельные кирпичи, не замечая здания.

Веррес управлял Сицилией как пропретор в 73—71 годах до н. э. После его возвращения сицилийские общины добивались привлечения бывшего наместника к ответственности за вымогательства и злоупотребления. Цицерон стал их представителем и подготовил огромный массив материала.

Главная опасность для любого дела с десятками эпизодов — утонуть в подробностях.

Цицерон сделал обратное. Он построил **систему повторяемости**.

1. Не сто нарушений, а один способ управления

Если обвинитель перечисляет сто фактов без структуры, слушатель утомляется.

Если он показывает:

- одинаковый способ давления;
 - одинаковых посредников;
 - одинаковую выгоду;
 - повторяемость в разных городах;
 - использование должности как общего ресурса,
- отдельные эпизоды начинают взаимно усиливать друг друга.

Для защиты это крайне опасно.

Потому что после пятого похожего случая суд перестает воспринимать шестой как случайность.

Современный урок

В экономическом деле обвинение может соединить:

контракт А;

контракт Б;

контракт В;

одинаковые завышения;

одних поставщиков;

те же счета;

одинаковое распределение денег.

Защита не может ограничиться фразой:

«Каждый договор сам по себе законен».

Нужно объяснить **повторяемый механизм**, который обвинение предлагает как систему.

2. Удар по ожидаемой тактике затягивания

Процесс имел важный процедурный фон. Защита рассчитывала на временные и кадровые изменения, которые могли сделать положение Верреса выгоднее. Цицерон радикально сократил первоначальное выступление и быстро перешел к свидетелям и документам.

Это великий урок судебной стратегии:

НЕ ВСЕГДА НУЖНО ПРОИЗНЕСТИ ВСЮ ПОДГОТОВЛЕННУЮ РЕЧЬ.

Если процессуальная ситуация требует доказательства сейчас — говорите меньше и предъявляйте факт.

Красноречие, которое мешает тактике, перестает быть мастерством.

3. Репутация адвоката против фактов

Верреса защищал Квинт Гортензий Гортал — один из самых знаменитых римских ораторов.

Цицерон сделал сам статус противника частью стратегии: процесс должен был показать, что даже величайшее красноречие не способно превратить доказанный факт в его отсутствие.

Современный адвокат должен услышать предупреждение и для себя.

Если противоположная сторона располагает сильной документальной цепью, нельзя надеяться, что харизма перекроет ее.

Нужно работать с доказательством раньше, чем с залом.

4. Обвинительная речь как карта паттерна

Представим учебную реконструкцию обвинения по модели Верреса.

Судьи! Если бы перед нами был один город, я допустил бы ошибку чиновника. Если бы один земледелец — личный конфликт. Если бы одна статуя — спор о собственности. Но перед нами разные города, разные люди и один результат. Там, где появляется власть Верреса, следом появляется требование, затем страх, затем имущество меняет хозяина. Совпадение не путешествует по всей провинции одним и тем же маршрутом. Система — путешествует.

Вы услышите защиту каждого эпизода отдельно. Вам скажут: этот человек недоволен налогом; тот преувеличивает; здесь подарок был добровольным; там произведение искусства куплено. Но я прошу вас каждый раз делать отметку: каким способом возникла выгода и кто распоряжался властью. В конце процесса сложите отметки рядом. Если рисунок повторяется, перед вами уже не сто случайностей.

Сила модели — в накоплении.

5. Как защищаться от «паттерна»

Нужно проверить пять вещей.

Первое: действительно ли эпизоды однородны?

Обвинение часто соединяет похожие на поверхности, но разные юридически события.

Второе: один ли субъект принимает решения?

Если полномочия распределены, единая воля может быть недоказана.

Третье: совпадает ли источник выгоды?

Четвертое: не сформирована ли выборка только из негативных эпизодов при игнорировании обычной практики?

Пятое: существует ли независимое подтверждение каждого эпизода, или свидетели повторяют общую историю друг друга?

Учебная защита против паттерна

Обвинение нарисовало вам узор. Но узор возникает только потому, что из тысячи хозяйственных операций выбраны двенадцать, внешне похожих и юридически различных. В первом случае решение принимала комиссия. Во втором — муниципалитет. В третьем договор заключен до назначения моего доверителя. В четвертом деньги вообще не поступали связанным с ним лицам. Если убрать слово «система» и вернуть каждому эпизоду его дату, полномочия и документы, единый рисунок исчезает.

Вот как следует отвечать не на детали, а на способ их соединения.

6. Веррес уезжает

После начала представления доказательств положение Верреса стало настолько тяжелым, что он не стал дожидаться обычного завершения разбирательства и покинул Рим. Значительная часть знаменитых *Verrines*, которые сегодня читают как обвинительные речи, была литературно обработана и опубликована Цицероном, хотя не все эти тексты прозвучали в суде в полном виде.

И снова важный урок: история сохраняет текст. Суд решает на основании того, что реально произошло в процессе.

7. Практическая формула главы

Когда противник приносит десятки эпизодов, не отвечайте на них как на десятки отдельных пожаров.

Сначала спросите:

Какой общий вывод он хочет получить из повторяемости?

Затем проверьте:

- действительно ли повторяемость существует;
- одинаковы ли механизмы;
- одинаков ли субъект;
- одинаков ли умысел;
- не создан ли паттерн селекцией материала.

Сильное обвинение превращает множество фактов в систему.

Сильная защита проверяет, **существует ли система вне риторики обвинителя.**

Глава IV

Яд, завещание и подкупленный суд

Цицерон в защиту Авла Клуенция Габита

Рим, 66 год до н. э.

Есть дела, в которых адвокат защищает человека от обвинения. Есть дела труднее: в них приходится защищать человека от его репутации.

Авл Клуенций Габит оказался именно в таком положении. Формально суд должен был разбирать обвинения, связанные с отравлением. Но вместе с подсудимым в зал вошло старое дело: много лет Рим обсуждал процесс, в котором отчим Клуенция Стаций Альбий Оппианик был осужден, а вокруг суда возник скандал из-за денег и подозрений в подкупе судей.

Для обвинения это было почти идеальным эмоциональным фундаментом. Если слушатель заранее верит, что Клуенций однажды купил суд, новое обвинение воспринимается не как самостоятельное событие, которое нужно доказать, а как продолжение характера.

Цицерон понял: начинать сразу с яда опасно. Сначала нужно нейтрализовать **invidia** — общественную неприязнь и накопившееся предубеждение.

1. Репутация не является доказательством

Психологически убедительная цепь могла выглядеть так:

богатый человек → старый судебный скандал → ненависть к отчиму → смерть отчима → отравление.

Юридически между этими словами находятся промежутки.

Задача защиты — сделать их видимыми.

Правило

Не спорьте только с конечным выводом. Разберите мыслительный путь, которым слушатель к нему пришел.

Если в одном месте предположение незаметно превратилось в «общеизвестный факт», именно там находится точка атаки.

2. Не бежать от неудобного прошлого

Слабая защита сказала бы:

«Старый процесс не имеет отношения к нынешнему обвинению».

Формально это может быть верно. Но сведения уже находятся в сознании суда.

Цицерон делает иначе. Он принимает бой и подробно разбирает прежний процесс.

Логика следующая:

«Вы хотите говорить о деньгах вокруг старого суда? Хорошо. Тогда мы выясним не только, были ли деньги, но и от кого они исходили».

Это принцип контролируемой уступки.

3. «Я не отрицаю, что деньги были»

Цицерон не пытается доказать стерильность предыдущего процесса. Он разворачивает направление подозрения: по его версии, деньги для воздействия на суд были связаны не с Клуенцием, а с Оппиаником и судьей Стаеном.

Защита отдаёт противнику второстепенное:

вокруг суда существовала коррупционная история.

Но спорит за главное:

кто был её инициатором?

Тактический урок особенно важен в современных делах.

Если невозможно честно отрицать перевод, встречу, конфликт, прошлую судимость или нарушение процедуры, не тратьте весь капитал доверия на невозможное. Признайте физический факт и спорьте о его доказательственном значении.

4. Капитал доверия

Каждое категорическое утверждение адвоката расходует доверие аудитории.

Если защитник одновременно заявляет, что:

- свидетель лжет;
- эксперт некомпетентен;
- следователь заинтересован;
- документ ошибочен;
- потерпевший мстит;
- перевод ничего не означает;
- камера показывает не того человека,

слушателю становится трудно поверить, что ошибаются абсолютно все, кроме защиты.

Поэтому полезно разделять:

то, что нужно оспаривать;

то, что можно признать;

то, что следует объяснить;

то, что вообще юридически неважно.

5. Перевернуть мотив

Обвинение могло рассуждать:

Клуенций хотел победить Оппианика и поэтому купил суд.

Цицерон спрашивает:

Если доказательственное положение Оппианика и без того было тяжелым, кому в действительности сильнее требовалось незаконное вмешательство в суд?

Это вариант *cui bono?*, но точнее:

КОМУ ПРЕСТУПЛЕНИЕ БЫЛО НУЖНЕЕ?

Выгода и необходимость — разные вещи.

Человеку может быть приятно, если документ исчезнет. Другому исчезновение документа может быть единственным способом избежать ответственности. Второй мотив качественно сильнее.

6. Сассия и опасность альтернативного злодея

Цицерон делает мать Клуенция, Сассию, важнейшим персонажем собственной версии. Он изображает ее как источник семейной вражды и движущую силу преследования сына.

Источниковедчески нужно помнить: этот портрет дан защитником и не является нейтральной биографией.

Для современной практики важен другой механизм: **альтернативный центр истории.**

Обвинение спрашивает:

«Почему подсудимый убил?»

Защита может спросить:

«Почему главный источник обвинения заинтересован, чтобы суд поверил именно этой версии?»

Но здесь проходит этическая граница. Нельзя заменять доказательство демонизацией другого человека. Личная характеристика имеет значение лишь тогда, когда связана с конкретным мотивом, возможностью исказить сведения или доказательственным поведением.

7. Разрушить мост, а не построить идеальную альтернативу

Обвинительная цепь:

вражда → мотив → яд → посредник → смерть → Клуенций.

Защите не всегда требуется доказать противоположную историю целиком. Достаточно показать, что одно необходимое звено не подтверждено.

Например:

яд → ? → Клуенций.

Или:

болезнь → смерть, а не яд → смерть.

Именно так работает разумное сомнение: не как обязанность защиты раскрыть преступление, а как невозможность обвинения завершить собственную цепь.

8. Почему часть об отравлении короче

После долгого разбора предубеждения Цицерон переходит непосредственно к эпизодам с предполагаемым ядом. И здесь происходит важный психологический эффект: доказательства слушаются уже в другой рамке.

Сначала суду показали, что общественная уверенность могла возникнуть из старого скандала. Затем каждый новый эпизод оценивается отдельно.

Это прием **очистки доказательства от репутационного ореола**.

Современная фраза

«Возможно, до начала процесса у вас уже было мнение об этом человеке.

Я не прошу вас притвориться, будто его нет. Я прошу каждый раз проверять: то, что я сейчас думаю, я узнал из исследованного доказательства или принес с собой в зал?»

9. Запасная юридическая линия

В *Pro Cluentio* Цицерон не ограничивается фактической защитой. Он обсуждает и пределы действия закона о судебной коррупции, указывая на вопрос статуса лиц, к которым применялись соответствующие положения.

Цицерон, Марк Туллий. *Pro Rabirio perduellionis reo* («В защиту Гая Рабирия по обвинению в государственной измене»).

Это пример эшелонированной защиты.

У нее может быть несколько независимых уровней:

1. деяние не совершено;
 2. авторство не доказано;
 3. ключевое доказательство ненадежно;
 4. причинная связь не установлена;
 5. даже при версии обвинения отсутствует требуемый юридический признак.
- Уровни не должны противоречить друг другу. Они страхуют друг друга.

10. Реконструкция финальной речи защиты

Следующий фрагмент — авторская реконструкция, а не перевод Цицерона.

Судьи! Я мог бы начать с яда. Но тогда мы оба сделали бы вид, будто настоящего обвинителя в этом зале нет. Настоящий обвинитель Клуенция — слух, который много лет ходит по Риму и повторяет: «Он однажды купил суд». Повторенное тысячу раз утверждение становится привычным, но не становится доказанным.

Да, вокруг прежнего процесса были деньги. Теперь зададим вопрос, которого боится всякая удобная легенда: чьи?

Не позволяйте одному слову «подкуп» заменить автора, источник денег, договоренность и действие. Не называйте туман человеком.

Нам говорят о вражде. Допустим. Но мотив объясняет действие только тогда, когда действие доказано. Без этого мотив — направление, в котором обвинению хочется, чтобы вы смотрели.

Где цепь от руки Клуенция до предполагаемого яда? Кто получил приказ? Кто передал вещество? Кто слышал договоренность? Что доказано независимо от людей, вовлеченных в семейную войну?

Я не прошу вас любить Клуенция. Суд существует не для выбора приятнейшего человека. Толпа спрашивает: «Что о нем говорят?» Суд спрашивает: «Что доказано?» Если эти два вопроса сегодня дадут разные ответы, правосудие начинается со второго.

11. Практическая модель работы с предубеждением

Перед резонансным процессом составьте таблицу:

Что общество уже «знает»?

Из какого источника это известно?

Является ли источник доказательством?

Какое юридическое значение имеет факт?

Какой вывод к нему добавили СМИ, следствие, социальные сети или прежний процесс?

Задача не в том, чтобы заставить суд забыть внешнюю информацию. Задача — разделить: слух → предположение → интерпретацию → доказательство.

Формула главы

Не просите суд забыть предубеждение. Сделайте его предметом проверки.

Глава V

Когда строгость закона встречается с жизнью

Цицерон в защиту Луция Лициния Мурены

Рим, 63 год до н. э.

Дело Мурены — процесс о том, как защищать человека, когда обвинение обладает нравственно безупречным лозунгом.

Луций Лициний Мурена был избран консулом и обвинен в *ambitus* — незаконных способах воздействия на избирателей. Среди обвинителей находились выдающийся юрист Сервий Сульпиций Руф и Марк Порций Катон Младший, символ строгой республиканской добродетели.

Положение Цицерона выглядело парадоксально: он сам поддерживал ужесточение законодательства против избирательного подкупа, а теперь защищал человека, обвиненного именно в таком нарушении.

1. Не отдавайте обвинению нравственную монополию

Обвинение может построить простую рамку:

«Мы защищаем честные выборы. Защита защищает человека, обвиненного в их покупке».

Современные варианты знакомы:

«Мы защищаем детей».

«Мы боремся с коррупцией».

«Мы защищаем общественную безопасность».

Эта рамка опасна, потому что превращает спор о доказательствах в спор о нравственности самого адвоката.

Правильный ответ:

«Да, честные выборы необходимы. Именно поэтому нельзя называть подкупом то, что не доказано как подкуп».

Чем важнее общественная ценность, тем точнее должно быть применение нормы.

2. Катон как неудобный обвинитель

Катона трудно было представить продажным или корыстным. Личное нападение на него только усилило бы его авторитет.

Цицерон делает тоньше:

он хвалит Катона и спорит с катоновским способом применения принципа.

Это одно из лучших средств против сильного авторитета.

Суду не приходится выбирать:

Катон или Мурена.

Ему позволяют сохранить уважение к Катону и одновременно не принять его вывод.

Современная модель

«Я не ставлю под сомнение квалификацию эксперта. Вопрос в том, позволяет ли конкретный объем исходных данных сделать именно этот категорический вывод».

Так вы отделяете статус человека от качества конкретного заключения.

3. Юмор против чрезмерной серьезности

Цицерон иронизирует над суровыми стоическими максимами Катона. Он не высмеивает честность. Он показывает, насколько абстрактная философская строгость может быть непригодна для различения конкретных человеческих ситуаций.

Юмор выполняет несколько функций:

- снимает ощущение непогрешимости оппонента;
- обнаруживает преувеличение;
- возвращает внимание аудитории;
- делает защитника человечески ближе.

Но в современном суде юмор требует строгой границы.

Нельзя превращать в объект шуток боль потерпевшего, смерть, беспомощность, внешний вид или уязвимость свидетеля.

Сильный юмор направлен на **логический абсурд**, а не на человеческое страдание.

4. «Мурена танцевал»

Обвинение использовало характеристику Мурены как «танцора» — в римской аристократической культуре подобный ярлык мог намекать на распущенность и неподобающий образ жизни.

Цицерон отвечает не только отрицанием. Он спрашивает: если этот ярлык действительно описывает образ жизни, где остальные признаки такого образа?

Отсюда современный принцип:

ОДИНОКИЙ ПРИЗНАК НЕ ДОКАЗЫВАЕТ ЦЕЛОЙ СИСТЕМЫ ПОВЕДЕНИЯ.

Если человека называют участником организованной группы, спросите:

где устойчивая связь?

где роли?

где координация?

где общий умысел?

где действия в интересах группы?

Ярлык никогда не должен заменять признаки.

5. Юрист и солдат

Цицерон противопоставляет Сульпиция и Мурену: один строил карьеру выдающегося правоведа, другой — военную карьеру.

Он создает запоминающийся контраст: юрист встает до рассвета ради клиента, солдат — ради похода; один разбирает границы владения, другой защищает границы государства.

Это не доказательство невиновности. Это объяснение того, почему избиратели могли предпочесть Мурену Сульпицию без покупки голосов.

То есть Цицерон предлагает **альтернативную причинность**.

Обвинение:

победил → значит купил.

Защита:

победил → возможно, потому что был более привлекательным кандидатом для конкретного электората.

6. Разделить неприятное и преступное

В деле обсуждались сопровождение кандидата, зрелища, угощения и формы традиционной политической активности.

Ключевой вопрос:

какой дополнительный признак превращает допустимую кампанию в незаконный подкуп?

Современный уголовный процесс постоянно сталкивается с тем же различием.

Поступок может быть:

неэтичным;

непрофессиональным;

неразумным;

неприличным;

но суд обязан установить, является ли он **преступным в смысле конкретной нормы**.

7. Политический контекст и Катилина

Рим находился в кризисе, связанном с заговором Катилины. Цицерон напоминает, что Мурена уже избран консулом и устранение его в такой момент может ослабить государство.

Для современного права это опасный аргумент, если его понимать как:

«Он нужен государству, поэтому простим нарушение».

Так нельзя.

Полезный механизм другой:

если нарушение не доказано, суд не должен расширять обвинение под влиянием политической тревоги.

Контекст может объяснять цену ошибки, но не заменяет доказательство.

8. Реконструкция защитительной речи

Судьи! Передо мной обвинители, которых легче уважать, чем опровергать. Катон честен. Сульпиций учен. Закон против подкупа необходим. Но ни одно из этих трех обстоятельств не является доказательством вины Мурены.

Да, я поддерживал строгий закон. Именно поэтому я отказываюсь называть преступлением всякое действие, которое кому-то кажется слишком щедрым. Суровый закон требует точных границ.

Нам говорят, что Мурену сопровождали люди. Но кандидат без сторонников был бы более странным явлением. Нам говорят об угощениях и зрелищах. Покажите не удовольствие избирателя, а договор: голос в обмен на ценность. Покажите цену, посредника, условие, волю купить решение гражданина.

Сервий спрашивает, почему народ предпочел Мурену. Я отвечу самой неприятной для проигравшего кандидата версией: возможно, потому что народ предпочел Мурену. Военная слава, публичная известность и политическая обстановка тоже причиняют результат.

Катон требует строгости. Я согласен. Не уступайте закону, фактам и доказательствам. Но не называйте принципом отказ различать. Строгость спрашивает: «Кого наказать?» Справедливость сначала спрашивает: «Что доказано?»

9. Интеллектуальное айкидо

Полезная схема:

Обвинение: «Это тяжкое преступление».

Защита: «Именно поэтому доказательство должно быть особенно точным».

Обвинение: «Нельзя допустить ошибку».

Защита: «Согласен. Ошибка возможна в обе стороны».

Обвинение: «Это вопрос справедливости».

Защита: «Именно поэтому нельзя заменять факт нравственным возмущением».

Вы не спорите с сильным словом. Вы меняете сторону, которой оно помогает.

Формула главы

Не отдавайте обвинению хорошие слова: закон, безопасность, честность и справедливость принадлежат суду, а значит — и защите.

Глава VI

Старое убийство и пределы чрезвычайной власти

Цицерон в защиту Гая Рабирия

Рим, 63 год до н. э.

В этом процессе Цицерон защищал не только пожилого сенатора. Через судьбу Гая Рабирия спорили о пределах чрезвычайной власти, о цене политического насилия и о том, можно ли спустя десятилетия превратить историческую расправу в индивидуальное уголовное обвинение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.